

Как правило, юные маги пробуждают врождённые техники до шести лет. И чем ярче талант ребёнка, тем раньше заявляет о себе его сила.

В клане Годжо этого момента ждали с благоговейным трепетом. Когда близнецам Харе и Сатору исполнилось четыре года, во время одной из детских шалостей они наконец явили миру «Безграничность» — легендарное наследие своей семьи.

Стояла глухая зима. Сяо У, зачарованный сверкающей белизной свежевypавшего снега, с весёлым визгом выбежал во двор и бросился в сугробы. Хара, как и подобает заботливому старшему брату, послушно последовал за ним.

Обычная забава быстро переросла в яростный бой снежками.

Будучи благословенными носителями Рикугана, близнецы с рождения интуитивно умели укреплять тела проклятой энергией. Снаряды летели с такой силой, что служанки, обделённые магическим талантом, даже не рисковали подойти к ним близко. Дрожа от холода и страха за воспитанников, они робко жались у стен, дожидаясь, пока молодые господа натешатся, чтобы немедленно переодеть их в сухое кимоно.

Но в какой-то момент правила игры изменились: снежки просто перестали долетать до мальчиков.

Сами увлечёвшиеся братья даже не обратили на это внимания. Первым неладное заподозрил глава клана Годжо, который как раз шёл во двор с твёрдым намерением прекратить эти бессмысленные, по его мнению, игры.

Глава замер на пороге, наблюдая, как двое его сыновей осыпают друг друга градом ударов. Но ни один снежок не достигал цели. На подлёте к детским телам комья резко замедлялись, словно натываясь на невидимую стену, и бессильно рассыпались в воздухе, так и не коснувшись ни одежды, ни кожи.

От увиденного у него перехватило дыхание, а пальцы мелко задрожали.

— Техника Безграничности... — прошептал глава клана, задыхаясь от восторга. — И Хара, и Сатору... Они оба пробудили Технику Безграничности!

Эта древняя техника позволяла манипулировать пространством на атомном уровне.

Конечно, в истории клана Годжо и раньше рождались люди, унаследовавшие эту силу, но без Шести Глаз она оставалась мёртвым грузом. Сложные расчёты требовали колоссальных ресурсов разума. Без врождённого «процессора» в глазах запустить технику было невозможно — всё равно что пытаться установить сложнейшую программу на древний, слабый компьютер.

Но Рикуган менял всё. Он даровал абсолютный контроль над проклятой энергией, позволяя ткать её с ювелирной точностью. Только обладатель Шести Глаз мог раскрыть истинную мощь Техники Безграничности.

Старейшины всерьёз опасались «проклятия близнецов» — они ждали, что Рикуган разделится между братьями, оставив обоих дефектными, или что один из них родится обычным человеком. Но небеса явили истинное чудо. Оба мальчика оказались полноценными божественными избранниками. Их глаза были безупречны, оба без труда подчинили себе фамильную технику, а запасы проклятой энергии превосходили любые ожидания. От древнего проклятия не осталось и следа.

Охваченный лихорадочным восторгом, глава немедленно созвал Совет старейшин, чтобы объявить о триумфе.

Вскоре в покоях близнецов яблоку негде было упасть от обилия напыщенных господ в дорогих шелках — сливок клановой верхушки.

Прерванная игра окончательно испортила Сяо У настроение. Он хмурился, глядя на незваных гостей ледяным взглядом. Хара мягко подтолкнул брата плечом и шепнул:

— Не злись, Сяо У. Вот уйдут эти старики, и мы продолжим.

Сяо У сморщил нос и сердито буркнул в ответ:

— Да ну, они же весь снег истоптали! Противно смотреть.

И действительно: девственно чистый покров в саду, не считая их собственных маленьких следов, теперь превратился в грязное месиво под тяжёлыми подошвами старейшин. И что самое возмутительное — эти же важные господа сейчас всюю распекали служанок за то, что те вовремя не расчистили двор.

Сяо У тогда не выдержал и звонко выкрикнул, вступаясь за прислугу:

— Это я велел не трогать снег, потому что хотел поиграть!

Но его слова пропустили мимо ушей. Старший старейшина лишь снисходительно покачал головой и тем же вечером заменил всю прислугу в доме.

Братьям это решение очень не понравилось, но возразить они не сумели. Как спорить со взрослыми, когда тебе всего четыре года? А Старший старейшина сокрушённо вздыхал, источая приторную заботу:

— Молодой господин Хара, молодой господин Сатору, мы ведь печёмся лишь о вашем благополучии. Вы — благословенные богами дети, надежда и будущее великого клана Годжо! Не пристало вам возиться в грязи, как безродным оборванцам. А если вы простудитесь? Заболеете? Это всё недосмотр прислуги. Девки совсем обленились, раз потекают опасным капризам. Я пришлю вам тех, кто будет заботиться о вас как подобает.

Сяо У насупился и тихонько потянул Хару за рукав кимоно:

— И снег весь выгребли... Теперь и не поиграешь.

Хара скользнул взглядом по саду. Сила Шести Глаз позволяла ему видеть на мили вокруг, сквозь любые преграды. За пределами их унылого закрытого двора высились нетронутые пушистые сугробы.

Он заговорщицки подмигнул брату:

— Тогда мы сбежим. Найдём место, где нас никто не увидит. Будем бросаться снежками, а ещё слепим огромного снежного человека.

Сяо У удивлённо моргнул.

«Снежного... человека?»

Он никогда не слышал о такой забаве, и его глаза тут же загорелись любопытством. Позабыв про обиду, он принялся засыпать брата вопросами о том, как именно оживить холодного снежного великана.

Мальчики увлечённо шушукались, совершенно игнорируя собравшихся. Это пренебрежение уязвило гордость старейшин, явившихся лицеизреть великое чудо.

Старший старейшина нахмурился, его голос зазвучал строго и требовательно:

— Молодой господин Хара, молодой господин Сатору! Прекратите пустые разговоры. Будьте любезны явить нам свою силу и показать пробуждённую технику как подобает.

Мальчики, которых с самого рождения держали взаперти в глубине поместья словно диких зверей, приутихли. Властный тон старика заставил их обернуться.

Сяо У тут же перестал улыбаться. Его лицо словно окаменело, а взгляд небесно-голубых глаз стал пугающе холодным.

Хара мгновенно уловил перемену в настроении брата. Если Сатору плохо — значит, плохо и ему. Равнодушие уступило место глухому раздражению. Мальчик вперил в старейшину тяжёлый, недетский взор.

— И что с того, что мы разговариваем? — ровным, леденящим душу голосом спросил Хара.

Старейшина поджал губы, явно недовольный отпором:

— Все старшие члены клана собрались здесь ради вас. Шептаться у нас за спиной — верх непочтительности.

Хара слегка склонил голову набок, притворившись, что искренне удивлён:

— Вот как? Но ведь вы сами без конца повторяете, что мы с Сатору — священные божественные младенцы, величайшее сокровище клана. Разве у живых богов могут быть те, перед кем они обязаны склонять голову?

Старик поперхнулся воздухом, не зная, что ответить. Клан слишком усердно вбивал в головы детей мысль об их абсолютной исключительности. Им твердили, что они — Kami во плоти, надежда на великое возрождение Годжо, существа высшего порядка, стоящие над бренным миром.

Старейшины сами возвели их на немислимый пьедестал, превратив в безмолвных идолов для поклонения.

Но при этом наивно рассчитывали, что живые божества останутся послушными марионетками, безропотными «хорошими мальчиками», заглядывающими в рот старшим.

Самому Харе было глубоко плевать на чужие амбиции и интриги. Старики могли играть в свои политические игры сколько угодно, пока это его не касалось.

Но когда дело доходило до покоя Сатору, Хара не собирался молчать.

Чуткий детский разум, подпитанный Шестью Глазами, безошибочно уловил главное: клан нуждается в них гораздо сильнее, чем они в клане. Сила Рикугана и новообретённая техника делали их неприкосновенными. Старейшины будут терпеть любые капризы. А раз так — церемониться не имело смысла.

Если они посмели расстроить Сатору, Хара с удовольствием испортит настроение им всем.

И это сработало: стоило Сяо У увидеть растерянную, багровую от злости физиономию Старшего старейшины, как на его губах заиграла довольная улыбка.

Почувствовав, что обстановка накаляется, глава клана поспешил вмешаться, разряжая атмосферу:

— Хара, Сатору, не горячитесь. То, что снежинки не коснулись вашей одежды во время игры — верный признак пробуждения нашей великой семейной техники. Прошу вас, покажите её ещё раз. Нам нужно убедиться.

Хара молча протянул вперёд ладонь. Глава клана понимающе кивнул и медленно поднёс свою руку к ручке сына. Но на расстоянии нескольких сантиметров его ладонь словно упёрлась в невидимый упругий барьер. Сколько бы сил он ни прилагал, преодолеть эту преграду было невозможно. Физический контакт стал недостижим.

<http://bllate.org/book/19549/1950880>